

Лермонтов Михаил Юрьевич

**Полное собрание сочинений М.Ю.
Лермонтова**

Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М69

М69 **Михаил Юрьевич Л.**
Полное собрание сочинений М.Ю. Лермонтова: Том 1-2 / Лермонтов Михаил Юрьевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 788 с.

ISBN 978-5-519-93247-9

ISBN 978-5-519-93247-9

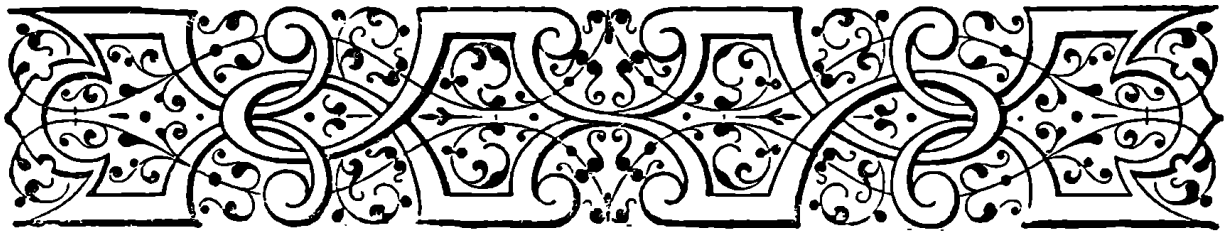
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

(БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

Лермонтовы ведутъ свой родъ отъ шотландской фамиліи Лермонтъ. Одинъ изъ этихъ Лермонтовъ переселился изъ Шотландіи въ Россію въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Потомки его были столыниками и воеводами, а позднѣйшіе служили въ военной службѣ. Отецъ нашего поэта точно также служилъ въ военной службѣ, но не долго: въ 1811 году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и по большей части жилъ въ деревнѣ. Онъ женился на Марьѣ Михайловнѣ Арсеньевой, которая вышла за него замужъ по любви. Отъ нея у Юрія Петровича родился сынъ Михаилъ 3 го октября 1814 года. Его мать, Марья Михайловна, черезъ два съ половиною года послѣ рожденія поэта, умерла отъ извурительной чахотки, на двадцать первомъ году жизни.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ воспитывался у своей бабушки, Елисаветы Алексѣевны Арсеньевой, рожденной Столыпиной, которая обожала своего внука и имѣла несчастье пережить его. Это была женщина богатая и не жалѣла средствъ на воспитаніе внука; особенное вниманіе, — по условіямъ тогдашняго времени, — было обращено на изученіе новѣйшихъ языковъ, — французскаго, нѣмецкаго, англійскаго; молодой Лермонтовъ учился также и греческому языку. Французскимъ языкомъ онъ владѣлъ превосходно, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ его французскіе стихи. Подобно Данте и Байрону ему не было еще и десяти лѣтъ, какъ онъ былъ уже влюбленъ не на шутку. Въ одной изъ своихъ тетрадей онъ, между прочимъ, писалъ: «Кто повѣритъ, что я зналъ уже любовь, имѣя десять лѣтъ отъ роду? Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетуски, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкой лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собой она была или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранился въ головѣ моей; онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, — я помню, — я вбѣжалъ въ комнату: она была тутъ и

играла съ кузиной въ куклы; мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь. Съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ... И такъ рано! Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины, желалъ ее видѣть; а когда она приходила, — я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату. Я не хотѣлъ говорить съ ней и избѣгалъ, слыша ея названіе (теперь я забылъ его), какъ-бы страшась, чтобы бѣшеное сердце и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда; и повинъ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ. Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые... нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видѣлъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда такъ не любилъ, какъ въ этотъ разъ. Горы кавказскія для меня священны... И такъ рано, въ десять лѣтъ!.. О! это загадка, этотъ потерянный рай до могилы будетъ терзать мой умъ!.. Иногда мнѣ странно, и я готовъ смѣяться надъ этой страстью — но чаще плакать! Говорятъ (Байронъ), что «ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить пылкими чувствами. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки».

Разумѣется, эта ранняя страсть скоро прошла. Около этого времени, въ 1826 году, молодой Лермонтовъ поступилъ въ Московскій университетскій пансіонъ, гдѣ онъ пробылъ 2 года. Съ августа мѣсяца 1830 года онъ сталъ слушать лекціи въ Московскомъ университетѣ. Курса въ университетѣ онъ не окончилъ и вышелъ въ 1832 году, по причинѣ, которая до сихъ поръ окончательно не выяснена. Однѣ изъ его товарищей по университету рассказываетъ, что Лермонтовъ имѣлъ столкновеніе съ однимъ изъ профессоровъ, который будто бы обидѣлся тѣмъ, что студентъ зналъ больше самого

профессора. Это едва-ли вѣроятно. Гораздо правдоподобнѣе то, что сообщаетъ Дудышкинъ въ біографіи Лермонтова. Онъ писалъ письмо одного изъ близкихъ къ Лермонтову лицъ. Вотъ это письмо: «A. S. écrit à P. que vous avez un désagrement à l'université, et que ma tante en est malade; de grâce écrivez moi ce que c'est. У насъ всѣ дѣлаютъ изъ мухи слова: tranquillisez—moi de grâce,—pour mon malheur je vous connais trop pour pouvoir être tranquille; je sais, que vous êtes capable de vous couper la gorge

денты зааплодировали и крикнули: «fora!» «прекрасно!» .. Это повторялось каждый разъ, какъ только М. раскрывалъ ротъ. М., обращаясь къ студентамъ, говоритъ: «Гг. я долженъ буду уйти!»—а ему кричать: «прекрасно!» М. идетъ изъ аудиторіи, изъ университета, а студенты идутъ за нимъ крича: «человѣкъ, который... bis! прекрасно...» И проводили его такимъ образомъ довольно далеко. По жалобѣ М., въ числѣ исключенныхъ былъ и Лермонтовъ.

Этотъ разсказъ въ сопоставленіи съ французскимъ

Село Тарханы.
Рисунокъ И. С. Панаева.

avec le premier venu et pour la première sottise—fi! C'est une honte: vous ne serez jamais heureux avec ce vilain caractère». Кромѣ того, Дудышкинъ слышалъ отъ одного изъ товарищей Лермонтова слѣдующій разсказъ объ этомъ событіи: у профессора Ц. былъ адъютантъ М., читавшій теорію уголовного права. Любимой темой лекцій М. было разсужденіе о человѣкѣ. Всѣ лекціи М. начиналъ словами: «человѣкъ, который...». М. заставлялъ и студентовъ поочередно писать на эту тему. Всѣ писали неохотно и начинали словами: «человѣкъ, который...» Студенты не любили профессора. Однажды, едва М. вошелъ на кафедру и началъ обычное: «человѣкъ, который...»—сту-

письмомъ, приведеннымъ нами, дѣйствительно, правдоподобнѣе, потому что находится въ согласіи съ характеромъ Лермонтова, — рѣзкимъ, нетерпимымъ, дерзкимъ. Эти индивидуальныя черты еще болѣе опредѣлялись въ юнкерской школѣ, куда Лермонтовъ поступилъ въ 1832 году, вопреки желанію своей бабушки. Въ школѣ онъ приобрѣлъ грубые манеры, употреблялъ самыя непріятныя выраженія, помѣщалъ въ школьномъ журналѣ циническіе стихи и, вообще, велъ себя какъ большинство его товарищей. «Справедливо замѣчаютъ,—читаемъ мы въ біографіи Лермонтова, помѣщенной въ изданіи г. Ефремова,—что пребываніе въ школѣ внесло новыя, крайне не

Домикъ Лермонтова въ Пятигорскѣ.
Рисунокъ П. С. Панова.

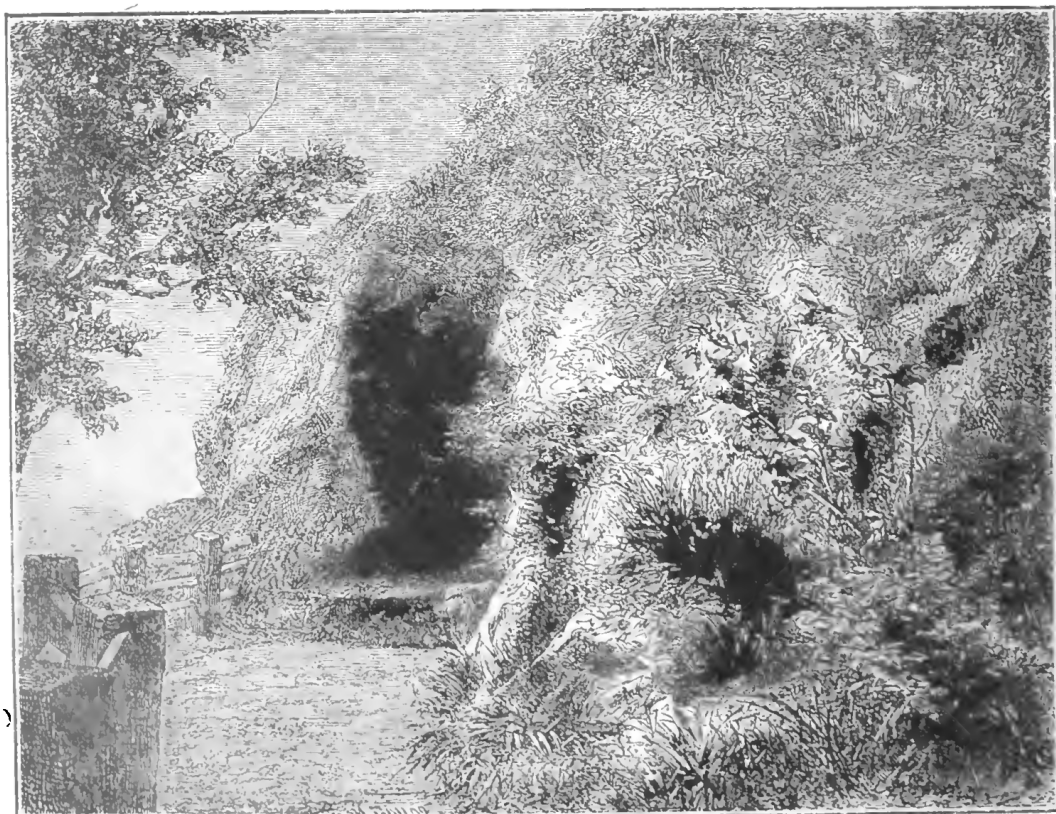
симпатичныя черты въ характерѣ поэта, — фальшивое и непріятное удалство, страсть выдаваться впередъ, отталкивающую назойливость, и что только внутренній инстинктъ оберегалъ Лермонтова и не далъ ему вполне подчиниться тѣмъ влияніямъ, которыя способны были бы совершенно погубить его талантъ. Это подтверждается и разсказомъ одного изъ товарищей Лермонтова, который говоритъ, что «по вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, поэтъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи, стараясь туда пробраться незамѣченнымъ товарищами». Эти черты характера, къ сожалѣнію, остались и впослѣдствіи и многихъ отталкивали отъ поэта. Это видно между прочимъ и изъ воспоминаній о Лермонтовѣ Боденштедта: «Мы были за шампанскимъ, — описываетъ свою встрѣчу съ Лермонтовымъ Боденштедтъ. — Свѣжняя пѣна лилась черезъ край стакановъ, и черезъ край лились изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то мѣткія остроты. Въ то время мнѣ не было еще и двадцати-двухъ лѣтъ; я былъ свѣжій и толстощекий, довольно неловкій и сентиментальный юноша, и больше слушалъ, чѣмъ говорилъ и, вѣроятно, казался нѣсколько страннымъ среди этой блестящей, уже порядочно пожившей молодежи. — А! Михаилъ Юрьевичъ! — вскричали двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ, при видѣ только-что вошедшаго молодого офицера. Онъ привѣтствовалъ ихъ короткими: «здравствуйте!», слегка потрепалъ О. по плечу и обратился къ князю со словами: «Ну, какъ поживешь,

умникъ?» У вошедшаго была гордая, непринужденная осанка, средній ростъ и замѣчательная гнѣбность движеній. Выпихая при входѣ носовую платокъ, чтобы обтереть мокрые усы, онъ выронилъ на полъ бумажникъ или сигарочницу и при этомъ нагнулся съ такою ловкостью, какъ будто былъ вовсе безъ костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки. Гладкіе, бѣлокурые, слегка вьющіеся по обѣимъ сторонамъ волосы оставляли совершенно открытымъ необыкновенно высокій лобъ. Большіе, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали въ насмѣшливой улыбкѣ, игравшей на красиво очерченныхъ губахъ молодого человѣка. Одѣтъ онъ былъ не въ парадную форму: на шеѣ небрежно повязанъ черный платокъ; военный сюртукъ не новъ и не доверху застегнутъ, и изъ-подъ него видѣлось ослѣпительной свѣжести бѣлье. Эполетъ на немъ не было. Мы говорили до тѣхъ поръ по-французски, и О. представилъ меня на томъ-же діалектѣ вошедшему. Обмѣнявшись со мною нѣсколькими бѣлыми фразами, офицеръ сѣлъ съ нами за обѣдъ. При выборѣ кушаньевъ и въ обращеніи съ прислугой онъ употреблялъ выраженія, которыя въ большомъ ходу у многихъ, — чтобы не сказать у всѣхъ, — русскихъ, но которыя въ устахъ новаго гостя непріятно поражали меня, поражали потому, что гость этотъ былъ — Лермонтовъ. Эти выраженія иностранецъ прежде всего выучиваетъ въ Россіи, потому что слышитъ ихъ повсюду и безпрестанно; но ни одинъ порядочный человѣкъ, — кромѣ

развѣ грека или турка у которыхъ въ ходу точь въ-точь такія-же выраженія,—не рѣшится написать ихъ въ переводѣ на свой родной языкъ. Во время обѣда я замѣтилъ, что Лермонтовъ не пряталъ подъ столъ своихъ нѣжныхъ, выхоленныхъ рукъ. Отвѣдавъ нѣсколькихъ кушаньевъ и осушивъ два стакава вина, онъ сдѣлался очень разговорчивъ и, надо полагать, много острлялъ, такъ какъ слова его были нѣсколько разъ прерываемы громкимъ хохотомъ. Къ сожалѣнію, для меня его остроты остались непонятными, такъ какъ онъ нарочно говорилъ по-русски и, къ тому-же, чрезвычайно скоро, а я въ то время недостаточно хорошо понималъ русскій языкъ, чтобы слѣдить за разговоромъ. Я замѣтилъ только, что остроты его часто переходили въ личности; но получивъ раза два мѣткій отпоръ отъ О., онъ почелъ за лучшее упражняться только надъ молодымъ княземъ. Нѣкоторое время тотъ добродушно переносилъ шпильки Лермонтова, но, наконецъ, и ему уже стало не въ мочь, и онъ съ достоинствомъ умѣрилъ его пылъ, показавъ, что, при всей ограниченности ума, сердце у него тамъ-же, гдѣ и у другихъ людей. Казалось, Лермонтова искренно огорчило, что онъ обидѣлъ князя своего товарища, и онъ всѣми силами старался примириться съ нимъ, въ чемъ скоро и успѣлъ. Я уже зналъ и любилъ тогда Лермонтова, по собраніи его

стихотвореній, вышедшему въ 1840 году; по въ этотъ вечеръ онъ произвелъ на меня столь невыгодное впечатлѣніе, что у меня пропала всякая охота поближе сойтись съ нимъ. Весь разговоръ, съ самаго его прихода, звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто-нибудь скребъ по стеклу. Я никогда не могъ,—можегъ быть ко вреду моему,—сдѣлать новый шагъ къ сближенію съ задорнымъ человекомъ, какое бы онъ ни занималъ мѣсто въ обществѣ; никогда не могъ извинять шалостей знаменитыхъ и гениальныхъ людей, только во имя ихъ знаменитости и гениальности. Я часто убѣждался, что можно быть основательнымъ ученымъ, поэтомъ или писателемъ, и въ то же время невыносимымъ человекомъ въ обществѣ. У меня правдо: основывая мое мнѣніе о людяхъ на первомъ впечатлѣніи; но въ отношеніи Лермонтова, мое первое, непріятное впечатлѣніе совершенно изгладилось пріятнымъ».

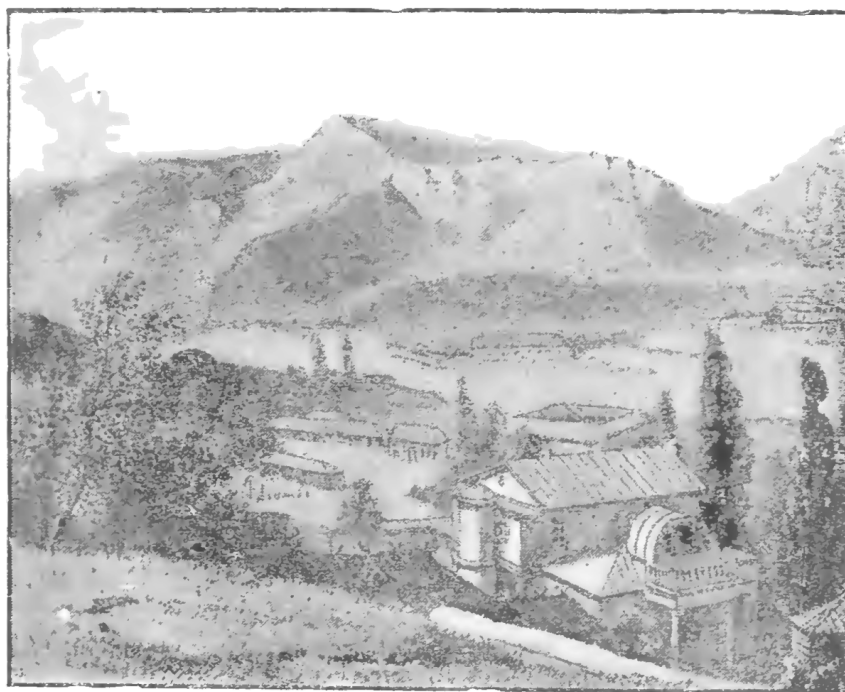
Лермонтовъ былъ до крайности самолюбивъ, но въ то же время былъ дурень собой, неуклюжъ, дурно сложенъ, незнатнаго происхожденія, не богатъ. А между тѣмъ, онъ хотѣлъ быть красавцемъ, побѣждать сердца женщинъ, ему хотѣлось повать въ люди, лишь-бы никому въ этомъ не быть обязаннымъ. Все это его очень мучило. Отсюда его вѣднѣйшій байронизмъ, щегольство, постолпно рѣзкая или грубая на-

Гротъ Лермонтова въ Пятигорскѣ.
Рисунокъ И. С. Чацова.

смѣшка, вѣчное желаніе рисоваться, плоскія шутки, прилизанность въ выраженіяхъ. Будучи въ школѣ, онъ много писалъ, но почти всѣ эти его раннія поэтическія пробы не отличались приличіемъ и скрупулезностью («Уланша», «Монго», «Праздникъ въ Петергофѣ»). Къ этому же періоду принадлежитъ также и поэма «Хаджи-Абрекъ», которая тайкомъ отъ автора передана была Гриневскому и напечатана имъ въ 1835 году въ «Библиотекѣ для чтенія», безъ вѣдома Лермонтова. Надъ своимъ поэтическимъ талантомъ онъ много работалъ, будучи въ юнкерской школѣ; онъ увлекался Пушкинымъ и изучалъ Байрона. Его тогдашнія поэтическія произведенія по фактурѣ стиха напоминаютъ Пушкина, а по содержанію и по тону—Байрона. Въ 1834

«Демонъ». Я былъ изумленъ живостью разсказа и звучностью стиховъ и просилъ передать это неизвѣстному поэту. Тогда лишь, съ его дозволенія, рѣшился онъ мнѣ назвать Лермонтова, и когда гусарскій юнкеръ надѣлъ эполеты, онъ не замедлилъ ко мнѣ явиться... Лермонтовъ просиживалъ у меня по дѣльнымъ вечерамъ; живая и остроумная его бесѣда была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ непріятенъ для слуха, какъ бывало и у Хомякова, съ которымъ во многомъ онъ имѣлъ сходство... Пришло ему на мысль написать комедію, въ родѣ «Горе отъ ума», рѣзкую критику на современные нравы, хотя и далеко не въ уровень съ бессмертнымъ произведеніемъ Грибоедова. Лермон-

Домъ Реброва въ Кисловодскѣ. — мѣсто дѣйствія романа „Княжна Мери“. Съ литографіи Тимма.

году онъ вышелъ изъ юнкерской школы и поступилъ въ лейбъ-гвардію гусарскій полкъ корнетомъ. Съ тѣхъ поръ онъ началъ вести свѣтскую, разсѣянную жизнь: зимой проводилъ время въ высшемъ кругу петербургскаго общества и въ Царскомъ Селѣ, среди товарищей-гусаровъ, а лѣтомъ—на ученьяхъ и въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. Къ этому же времени относятся и первые его литературныя знакомства. Первое такое знакомство было съ А. И. Муравьевымъ. «Однажды, — разсказываетъ Муравьевъ, — его товарищъ по школѣ, гусаръ Цейлеръ, приноситъ мнѣ тетрадь стиховъ неизвѣстнаго поэта и, не называя его по имени, проситъ только сказать мое мнѣніе о самыхъ стихахъ. Это была первая поэма Лермонтова.

Тову хотѣлось видѣть ее на сценѣ, но строгая цензура III-го отдѣленія не могла ее пропустить. Авторъ съ негодованіемъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить начальника этого отдѣленія, моего двоюроднаго брата Мордвинова, быть снисходительнымъ къ его творенію; но Мордвиновъ оставался неумолимъ; даже цензура получила неблагоприятное мнѣніе о заносчивости писателя, что ему вскорѣ отозвалось...»

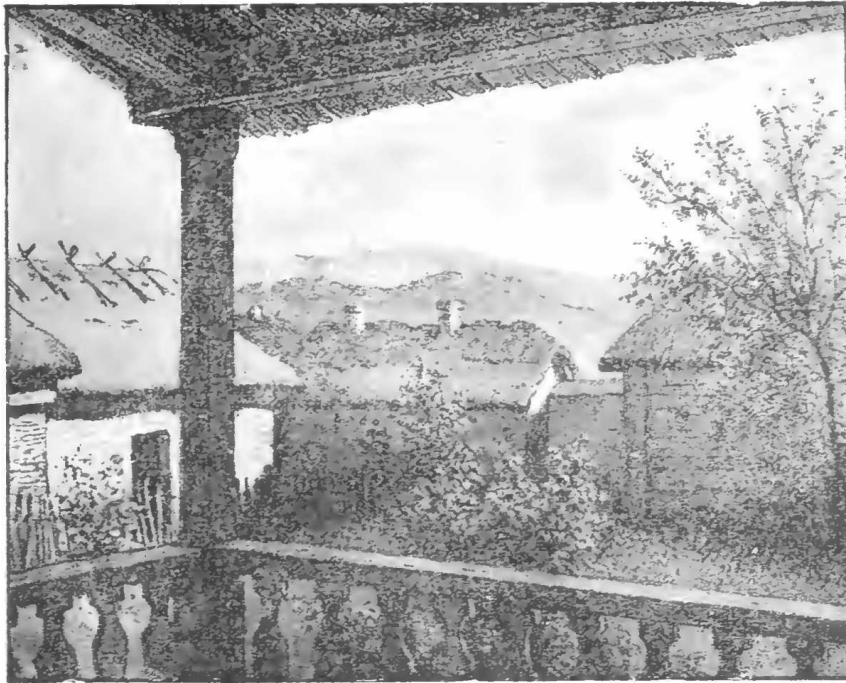
Спустя нѣкоторое время, Лермонтовъ познакомился съ Краевскимъ и Бѣлинскимъ. Панаевъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ исторію знакомства поэта съ Бѣлинскимъ: «Бѣлинскій часто встрѣчался съ Лермонтовымъ у г. Краевскаго. Бѣлинскій пробовалъ было не разъ заводить съ нимъ серьезный разговоръ,

но изъ этого никогда ничего не выходило: Лермонтовъ всякій разъ отдѣлялся шуткой или, просто, прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе. «Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ,—говорилъ Бѣлинскій,—было бы довольно странно; но я ни разу не слыхалъ отъ него ни одного дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою». И дѣйствительно, Лермонтовъ какъ будто щеголялъ ею, желая еще примѣшивать къ ней иногда что-то сатанинское и байроническое, пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбки, старался показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже и задоръ бретѣра. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если онъ не изобразилъ въ Печоринѣ самого себя, то по крайней мѣрѣ—идеалъ, сильно тревожившій его въ то время и на который онъ очень желалъ походить. Когда онъ сидѣлъ въ ордонавсѣ-гаузѣ послѣ дуэли съ Барантомъ, Бѣлинскій навѣстилъ его; онъ провелъ съ нимъ часа четыре глазъ-на-глазъ и отъ него прямо пушелъ ко мнѣ. Я взглянулъ на Бѣлинскаго и тотчасъ увидѣлъ, что онъ въ необыкновенно пріятномъ настроеніи духа. Бѣлинскій не могъ скрывать своихъ ощущеній и впечатлѣній и никогда не драпировался. Въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенный контрастъ Лермонтову. «Знаете-ли, откуда я?»—спросилъ Бѣлинскій.—Я былъ въ ордонавсѣ-гаузѣ у Лермонтова, и попалъ очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ!... Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я вошелъ къ нему в сюртукъ-

зился, по обыкновенію. Думаю себѣ: «ну, зачѣмъ меня принесла къ нему пелегкая? Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня... Что еще связываетъ насъ немало—такъ это любовь къ искусству, но онъ не поддается на серьезные разговоры...» Я, признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не больше четверти часа. Первые минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ Скоттъ... «Я не люблю Вальтеръ Скотта»,—сказалъ мнѣ Лермонтовъ: «въ немъ мало поэзіи, онъ сухъ»,—и началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь... Я смотрѣлъ на него и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе; онъ былъ въ эту минуту самимъ собой. Въ его словахъ было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтеръ Скотта къ Куперу и, говоря о Куперѣ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтерѣ Скоттѣ, и доказывалъ это съ топорностью, съ умомъ—и что удивило меня—даже съ увлеченіемъ! Боже мой! сколько эстетическаго чутія въ этомъ человѣкѣ! Какая иѣжная, поэтическая душа въ немъ!.. Не даромъ-же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось такъ его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хоть на минуту быть самимъ собой—я увѣренъ

«Воспоминаніе о Кавказѣ». Съ картины М. Ю. Лермонтова, писанной имъ масляными красками въ Новгородѣ, въ 1838—39 гг.

Балконъ дома Умана, гдѣ жилъ Лермонтовъ въ Пятигорскѣ, въ июль 1841 г.
Съ литографіи Тимма.

въ этомъ...» Въ другомъ мѣстѣ Панаевъ прибавляетъ: «Наклонность къ такъ-называемой великосвѣтскости, которой были подвержены нѣкоторые литературные дѣятели 20-хъ, 30-хъ, 40-хъ годовъ, дѣйствовала на нихъ и на ихъ произведенія весьма неблагоотворно. Этой наклонности были подвержены даже такіе могучіе таланты, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ. Лермонтовъ хотѣлъ слыть, во что бы то ни стало и преле всего, за свѣтскаго человѣка и оскорблялся точно также какъ Пушкинъ, если кто-нибудь разсматривалъ его какъ литератора. Несмотря на сознаніе, что причиною гибели Пушкина была, между прочимъ, наклонность его къ великосвѣтскости, несмотря на то, что Лермонтову хотѣлось иногда бросить па свѣтскихъ людей желѣзный стихъ, «облитый горечью и злостью», онъ никогда не могъ отрѣшиться отъ свѣтскихъ предразсудковъ, и высшій свѣтъ дѣйствовалъ на него обаятельно. Конечно, отчасти предразсудки среды, въ которой Лермонтовъ выросъ и воспитывался, отчасти увлеченіе молодости и песткавшее отсюда его жезаніе эффектно драпироваться въ байроновскій плащъ, непріятно дѣйствовали на многихъ, дѣйствительно серьезныхъ людей, и придали Лермонтову непріятный, неестественный колоритъ. Но можно-ли строго судить за это Лермонтова? Онъ умеръ еще такъ молодъ!»

До самой смерти Пушкина (1837 годъ), литературная дѣятельность Лермонтова ограничивалась тѣснымъ кружкомъ близкихъ знакомыхъ. Онъ кое-

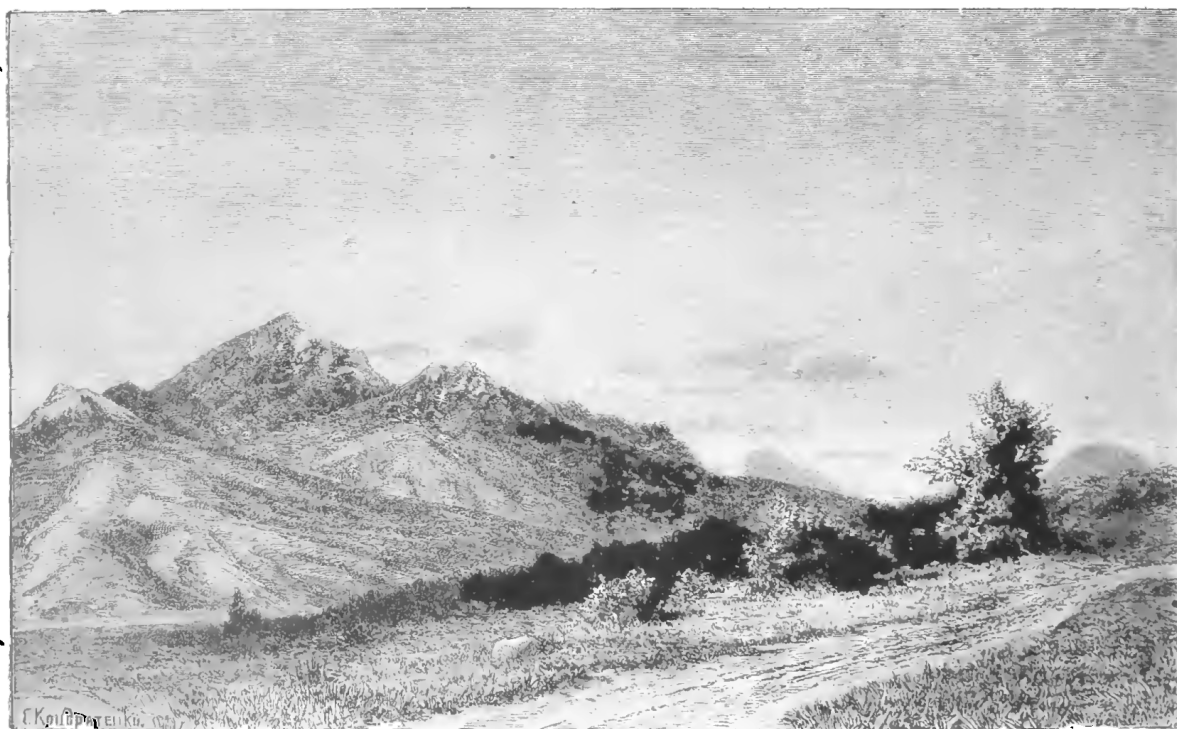
что изъ своихъ стихотвореній помѣщалъ въ журналахъ, но вообще Лермонтовъ былъ мало извѣстенъ. Его извѣстность начинается съ стихотворенія «На смерть Пушкина», вслѣдствіе котораго онъ былъ посланъ на Кавказъ. Смерть Пушкина произвела сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Это несчастное событіе чрезвычайно взволновало также и Лермонтова, который къ Пушкину съ самыхъ юныхъ лѣтъ относился съ особеннымъ благоговѣніемъ. Онъ написалъ «На смерть Пушкина». Стихотвореніе ходило по рукамъ и надѣлало много шума! Многіе въ Петербургѣ винили Пушкина—и отчасти оправдывали его противника Дантеса. Лермонтовъ былъ сильно возмущенъ этими толками и прибавилъ шестнадцать заключительныхъ строкъ: «А вы, надменные потомки» и пр. Вскорѣ послѣ этого, извѣстная въ то время старуха и большая сплетница, А. М. Хитрово, встрѣтившись на одномъ вечерѣ съ гр. Бенкендорфомъ, сказала ему: «Слышали вы, Александръ Христофоровичъ, что написалъ про насъ Лермонтовъ?» Бенкендорфъ, конечно, слышалъ, но не находилъ ничего особеннаго въ стихотвореніи. Говорятъ, что онъ отвѣтилъ: «Ужъ если Анна Михайловна знаетъ про эти стихи, то я долженъ о нихъ доложить Государю». Дѣйствительно, Бенкендорфъ доложилъ Государю, и Лермонтовъ былъ арестованъ, его бумаги задержаны и въ заключеніе онъ былъ переведенъ прапорщикомъ въ нижегородскій драгунскій полкъ на Кавказъ. «Ссылка Лермонтова на Кавказъ,—говоритъ А. М.

Муравьевъ,—падѣлала много шума; на него смотрѣли какъ на жертву, и это быстро возпысило его поэтическую славу. Съ жадностью читали его стихи съ Кавказа, который послужилъ для него источникомъ вдохновенія». Однако, не всѣ произведенія могли безпрепятственно попадать въ печать. «Письмо о Калашниковѣ», напримѣръ, была напечатана только вслѣдствіе заступничества Жуковского, который далъ письмо Краевскому къ министру народнаго просвѣщенія, Уварову. Тѣмъ не менѣе, фамилія Лермонтова была замѣнена начальными буквами.

Однако, ссылка продолжалась недолго.хлопоты и просьбы его бабушки, Е. А. Арсеньевой, положили конецъ его изгнанію въ томъ-же, 1837 году, а на

контрнаго чувства независимости, которое мѣшало ему высказаться, отчасти увлекаясь тономъ своего товарищества, довольно беззаботнаго насчетъ литературы».

Въ 1840 году, на одномъ изъ петербургскихъ баловъ, Лермонтовъ, за какую-то колкость, сказанную имъ, былъ вызванъ на дуэль Барантомъ, сыномъ известнаго историка и французскаго посланника при русскомъ дворѣ. Узнавъ объ этой дуэли по городскимъ слухамъ, начальникъ Лермонтова, генералъ-майоръ Плаутонъ потребовалъ у поэта объясненій. Лермонтовъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: «Получивъ отъ вашего превосходительства приказаніе объяснить вамъ обстоятельство посѣдника моего съ го-

Мѣсто дуэли Лермонтова близъ Пятигорска.
Картина Г. Н. Кодратенко.

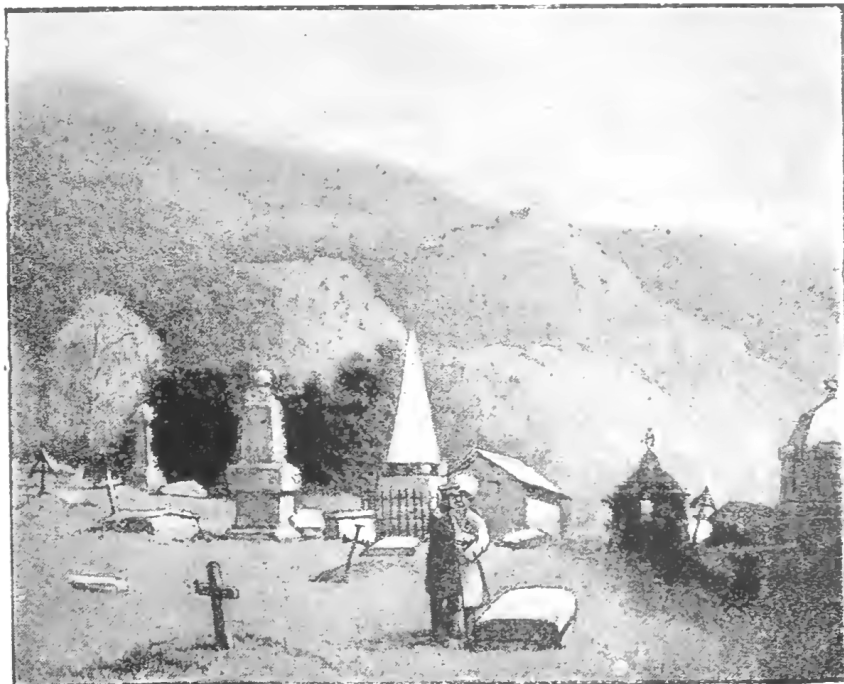
слѣдующій годъ онъ снова былъ переименованъ въ гвардію. «О литературныхъ отношеніяхъ его за это время (говорится въ біографіи изданія г. Ефремова) неизвѣстно ничего опредѣленнаго; близкихъ отношеній этого рода у него было вѣроятно очень мало, потому что онъ, какъ и Пушкинъ, желалъ слыть за свѣтскаго человѣка и не любилъ, когда на него смотрѣли какъ на литератора, или потому, что предпочиталъ свою офицерскую компанію съ ея пріятными занятіями, или наконецъ потому, что и въ своихъ литературныхъ отношеніяхъ не измѣнялъ своей обыкновенной манеры, т. е. не сблизался съ литературнымъ кругомъ, отчасти изъ нѣскольکو висо-

споднимъ Барантомъ; честь имѣю довести, что 16-го февраля, на балѣ у графини Лаваль, господинъ Барантъ сталъ требовать у меня объясненія насчетъ (будто-бы) мною сказаннаго. Я отвѣчалъ, что все ему передано несправедливо; но такъ какъ онъ былъ этимъ недоволенъ, то я прибавилъ, что дальнѣйшаго объясненія давать ему не имѣю. На колкій его отвѣтъ, я возразилъ такою-же колкостью, на что онъ сказалъ, что сдѣлалъ онъ находился въ своемъ отечествѣ, то зналъ-бы, какъ кончать дѣло. Тогда я отвѣчалъ, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что мы не меньше другихъ позволяемъ себя оскорблять безнаказанно.

Тогда онъ меня вызвалъ, и мы, условившись, разстались. 18-го числа, въ воскресенье, въ 12 часовъ утра, съѣхались мы за Черной рѣчкой близъ Парголовской деревни. Его секундantomъ былъ французъ, имени котораго я не помню и котораго никогда доселѣ не видалъ. Такъ какъ господинъ Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то я и предоставилъ ему выборъ оружія. Онъ избралъ шпаги, но съ качи были и пистолеты. Едва успѣли мы скрестить шпаги, какъ у моей концы переломился, и онъ слегка оцарапалъ мнѣ грудь. Тогда взяли мы пистолеты. Мы должны были стрѣлять вѣстѣ, но я немного опоздалъ. Онъ далъ промахъ, а я выстрѣлилъ уже въ сторону. Послѣ сего онъ подалъ мнѣ руку и мы разстались. Вотъ подробный отчетъ о всемъ, случившемся между нами». Въ дополненіе къ этому письму Лермонтовъ въ комиссія военнаго суда показалъ, между прочимъ, еще слѣдующее: «находясь я въ С.-Петербургѣ 18-го февраля съ позволенія полковаго командира; г. Эрнестъ Барантъ, сынъ французскаго посланника при дворѣ Его Императорскаго Величества. Обстоятельства, по которому онъ требовалъ у меня объясненія, состояли въ томъ: правда-ли, что я будто говорилъ на его счетъ невыгодныя вещи пзвѣстной ему особѣ, которой онъ мнѣ не называлъ. Козкости же его и моп въ нашемъ разговорѣ заключались въ слѣдующемъ смыслѣ: когда я на упомянутый вопросъ г. Баранта сказалъ, что никому не говорилъ о немъ предосудительнаго, то его отвѣтъ выражалъ педовѣрчивость,

ибо онъ прибавилъ, что все-таки, если переданный ему сплетни справедливы, то я поступалъ весьма дурно; на что я отвѣчалъ, что выговоры и совѣты не принимаю, и нахожу его поведеніе весьма смѣшнымъ и дерзкимъ. О нашемъ разговорѣ и о вызовѣ г. Баранта никто изъ бывшихъ на балѣ не слышалъ, сколько мнѣ извѣстно, равно и объ условіяхъ нашихъ; а далѣе происходило то самое, что я показавъ въ вышеупомянутомъ письмѣ. Секундантомъ при нашемъ поединкѣ, съ моей стороны, былъ отставной поручикъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Столыпинъ, а не донесъ я о семъ происшествіи начальству единственно потому, что дуэль не имѣла никакого пагубнаго послѣдствія».

На этомъ, однако, дѣло не кончилось. Барантъ, узнавъ что въ своемъ объясненіи Лермонтовъ утверждалъ, что выстрѣлилъ въ сторону, выразилъ свое неудовольствіе по этому поводу. Лермонтовъ, находившійся уже подъ арестомъ, пригласилъ Баранта посѣтить его въ ордовансъ-гаузъ и объясниться объ этомъ дѣлѣ откровенно. «Сего марта 22,—писалъ онъ,—я просилъ письменно графа Браніцкаго 2 го (не служащаго) сказать г. Эрнесту Баранту, что я желаю его видѣть сего же числа, въ 8 часовъ вечера. Ибо до меня дошли слухи, что онъ въ городѣ говоритъ, что я несправедливо показавъ, будто выстрѣлилъ въ сторону, не дѣля, и что онъ этимъ недоволенъ. Въ 8 часовъ вечера я вышелъ въ корпидоръ между офицерской и солдатской караульными

Могила Лермонтова на кладбищѣ въ Пятигорскѣ въ перекѣ (1841 г.) годъ кончины поэта.
Съ антографіи Шума.

компатами, не спрашивая караульного офицера и безъ конвоя, какъ всегда дѣлалъ до сего... въ томъ же коридорѣ. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ г. Барантъ и вошелъ въ коридоръ, который же ведетъ и на верхъ въ комиссію. Я спросилъ его, правда-ли, что онъ недоволенъ моимъ показаніемъ? Онъ отвѣчалъ: «Точно, я не знаю, почему вы говорите, что стрѣляли, не дѣла, на воздухъ». Тогда я отвѣчалъ, что говорилъ это по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что это правда, а во-вторыхъ, потому, что не вижу нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему неприятна, а мнѣ можетъ служить въ пользу; но что если онъ недоволенъ этимъ моимъ объясненіемъ, то, когда я буду освобожденъ и когда онъ возвратится, я готовъ буду вторично съ нимъ

лезно служить, а не быть празднымъ. Исполнить сегодня же».

На Кавказѣ Лермонтовъ совершенно преобразился. Въ крѣпости Грозной расположился отрядъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Газафьева. Между прочимъ, тутъ находился партизанскій отрядъ подъ командой Дорохова; но Дороховъ былъ раненъ, и команду онъ передалъ Лермонтову. По свидѣтельству Тургенева, Лермонтовъ тогда глубоко скучалъ. Опасность, удалство казались ему выходомъ изъ этого положенія, или по крайней мѣрѣ развлеченіемъ. «Щегольской лейбъ-гусарь,—пишетъ г. Висковатый,—преобразился. Онъ послалъ бурку на разстегнутомъ сюртукѣ безъ запонки, зачастую отглаженная мягкій воротникъ его. Красная, почти безъ

Памятникъ Лермонтова въ с. Тарханъ, Пензенск. губ.
Рисунокъ съ натуры Б. Подбѣльскаго.

стрѣляться, если онъ этого пожелаетъ. Послѣ сего, г. Барантъ, отвѣчавъ мнѣ, что онъ драться не желаетъ, ибо совершенно удовлетворенъ моимъ объясненіемъ, уѣхалъ.

Военный судъ приговорилъ Лермонтова, на основаніи военно-уголовнаго устава, лишитъ чинъ и правъ состоянія, а прочихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, подвергнуть отвѣтственности на основаніи того же военно-уголовнаго устава. Императоръ Николай, прочитавъ докладъ о дуэли Лермонтова, написалъ слѣдующую конфирмацію: «Поручика Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ тѣмъ же чиномъ, поручика же Столыпина и графа Брандтака освободить отъ подлежащей отвѣтственности, объявивъ первому, что въ его званіи и лѣтахъ по-

сѣнная, канаусовая рубашка видѣлась изъ-подъ откинутыхъ бортовъ. Смуглое лицо, съ пронзительными черными глазами и довольно длинными, темно каштановыми волосами, глядѣла изъ-подъ бѣлой хощевой фуражки, надѣтой на затылокъ». Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Лопухину, слѣдующимъ образомъ описываетъ онъ стычки, бывшія въ то время: «У насъ были каждый день дѣла, и одно довольно жаркое, которое продолжалось шесть часовъ сряду. (Насъ было всего 2,000 пѣхоты, а ихъ (черкесовъ) до шести тысячъ, и все время дрались штыками. У насъ было 30 офицеровъ и до 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣмъ осталось на мѣстѣ. Кажется, хорошо! Вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебѣ